

XXXV.—1909 г.

Новгородскія Епархіальныя Вѣдомости.

№ 37.

11 сентября.

Цѣна съ пересылкой

ВЫХОДЯТЪ

АДРЕСЪ РЕДАКЦИИ:
НОВГОРОДЪ.

4 р. 50 к.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Редакція «Епархіальныхъ
Вѣдомостей»

Отдѣльно № 10 к.

ЧАСТЬ ОФФИЦІАЛЬНАЯ.

Преподается Архипастырское Его Высокопреосвященства благословеніе.

Старостѣ Хрыпловской церкви, Валдайскаго уѣзда, крестьянину деревни Хрыпловъ Александру Васильеву по вниманію къ его ревностному и отлично-усердному исполненію своихъ обязанностей въ теченіе трехъ лѣтъ и къ его безвозмезднымъ трудамъ

по поддержанію храма въ надлежащемъ порядкѣ и доставкѣ необходимыхъ матеріаловъ для храма.

Крестьянину деревни Старова, Гаврицкаго прихода, Валдайскаго уѣзда, Тимофею Иванову, за пожертвованіе ста рублей на устройство желѣзной рѣшетки вокругъ мѣстной часовни, пріобрѣтеніе для тойже часовни иконы Покрова Пресвятыя Богородицы въ кіотѣ и съ лампадою, стоимостью въ 130 рублей, священническаго облаченія въ 20 рублей и молебнаго евангелія и креста въ 50 рублей, всего за пожертвованіе на нужды часовни и церкви 300 рублей.

Псаломщику Мондомской церкви, Бѣлозерскаго уѣзда, Сергѣю Смирнову, какъ выдѣляющемуся среди псаломщиковъ своимъ благоповеденіемъ и исправностію по службѣ.

Крестьянину деревни Гудилова, Старорусскаго уѣзда, Павлу Кузьмину за усердіе къ храму Божию и безмездные труды по управленію цѣвческимъ хоромъ.

Объявляется благодарность Епархіальнаго Начальства.

Крестьянину, проживающему въ селѣ Молвотицахъ, Демянскаго уѣзда, Ивану Васильеву Арбузову, за пожертвованіе въ мѣстную Молвотицкую церковь голгофы съ лампадкою и пары хоругвей, стоимостью всего въ 100 рублей.

Опредѣленіе Новгородскаго Епархіальнаго Начальства.

По указу Его Императорскаго Величества, Новгородская Духовная Консисторія слушала отношеніе Новгородскаго уѣзднаго по воинской повинности Присутствія за № 2704, въ коемъ изложено, что изъ дѣлопроизводства Присутствія выяснилось, что многіе священники при выдачѣ метрики о рожденіи или о смерти лицъ для представленія этихъ метрикъ въ воинское Присутствіе требуютъ оплаты этихъ метрикъ гербовымъ сборомъ. Между тѣмъ на основаніи ст. III Устава о воин. пов. и п. 5 ст. 62 Уст. о герб. сборѣ изд. 1903 г., дѣлопроизводство по воинской повинности, а также всѣ по дѣламъ о сей повинности отношенія частныхъ лицъ съ Правительственными мѣстами и лицами, осво-

бождаются отъ гербоваго сбора. На выдаваемыхъ для представ-
ленія въ учрежденія, завѣдывающія воинскою повинностію, ме-
трикахъ, должна быть дѣлаема, на видномъ мѣстѣ, надпись „по
воинской повинности“. О вышеизложенномъ Присутствіе и сооб-
щаетъ Консистоіи на зависящее распоряженіе. Приказали и Его
Преосвященство 25 минувшаго августа утвердилъ: настоящее
отношеніе Новгородскаго уѣзднаго по воинской повинности При-
сутствія припечатать въ Новгородскихъ Епархіальныхъ Вѣдомо-
стяхъ къ свѣдѣнію и руководству духовенства Новгородской
епархіи.

О чемъ, для свѣдѣнія и руководства духовенства Новгород-
ской епархіи, и объявляется чрезъ припечатаніе въ Епархіаль-
ныхъ Вѣдомостяхъ.

Велѣдствіе рапорта благочиннаго 4 Устюжнскаго округа свя-
щенника Николая Соколова, отъ 10 августа сего года за № 354,
о томъ, о всѣхъ ли подрядахъ по церковнымъ постройкамъ и
ремонтамъ слѣдуетъ сообщать Новгородской Казенной Палатѣ,
Консистоіи положила: Разъяснить благочинному 4 округа, Устюжн-
скаго уѣзда, священнику Николаю Соколову особымъ указомъ,
а всему епархіальному духовенству, чрезъ Епархіальныя Вѣдо-
мости, что пачальствующіе монастырей епархіи и всѣ причты и
старосты церквей, согласно послѣдовавшимъ распоряженіямъ отъ
хозяйственнаго управленія при Святѣйшемъ Синодѣ, опублико-
ваннымъ въ №№ 24 и 26 Церковныхъ Вѣдомостей за 1909 г.,
обязательно должны доставлять въ Казенную Палату свѣдѣнія
„о всѣхъ безъ всякаго исключенія договорахъ о подрядахъ“,
заключенныхъ съ частными лицами по церковнымъ постройкамъ
или ремонтамъ, причемъ свѣдѣнія эти надлежитъ доставлять не
на особыхъ блявкахъ отъ Казенной Палаты, а на простыхъ ли-
стахъ и по той формѣ, какая издана отъ Новгородской Казен-
ной Палаты и отпечатана къ руководству епархіальнаго духо-
венства въ № 8 Епарх. Вѣдом. за 1909 годъ.

О чемъ и печатается въ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ для
свѣдѣнія духовенства Новгородской епархіи.

1909 года, августа 31 дня. Въ Присутствіи Новгородской
Духовной Консистоіи

слушали:

1) Предложенія Его Высокопреосвященства отъ 13 и 20
августа за №№ 5447 и 5580 объ обзрѣніи съ 14-го сентября

ихъ Преосвященствами, Викаріями Тихвинскимъ и Кирилловскимъ нѣкоторыхъ церквей епархіи и 2) справку о назначеніи епархіальнаго съѣзда духовенства съ 18 числа сентября.

Приказали и Его Преосвященство 1 сего сентября утвердилъ: такъ какъ время поѣздки ихъ Преосвященствъ по епархіи совпадаетъ со временемъ, когда нѣкоторые благочинные и священники по избранію должны присутствовать на епархіальномъ съѣздѣ, то въ виду важности подлежащихъ обсужденію на съѣздѣ вопросовъ объявить чрезъ припечатаніе въ Новгородскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ, что посѣщеніе ихъ Преосвященствами церквей не должно служить для избранныхъ лицъ препятствіемъ къ поѣздкѣ въ г. Новгородъ на епархіальный съѣздъ духовенства въ сентябрѣ мѣсяцѣ, при чемъ если депутатомъ на съѣздѣ окажется избраннымъ благочинный, то при сопровожденіи Его Преосвященства по округу долженъ замѣнить его помощникъ благочиннаго, при отбытіи же на съѣздъ священника, церковь коего подлежитъ обзрѣнію, замѣнить его встрѣчу Владыки долженъ производить священникъ сосѣдняго села.

О чемъ, для свѣдѣнія духовенства Новгородской епархіи и объявляется чрезъ припечатаніе въ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ.

Движеніе и перемѣны по службѣ.

Псаломщики Преображенской Михайловской церкви, Череповскаго уѣзда, Петръ Альбовъ и Параскевинской Нилободовской церкви, Кирилловскаго уѣзда, Павелъ Бронзовъ перемѣщены одинъ на мѣсто другого, 29 августа.

Праздныя вакансіи.

Священническія: При Пустынской церкви, Бѣлозерскаго уѣз., Намотской—Демянскаго уѣзда и при Георгіевской Выставской—Новгородскаго уѣзда.

Діаконскія: При Тигинской церкви, Кирилловскаго уѣзда, Устье-Угольской и Едомской—Череповскаго уѣзда, Заболотской—Бѣлозерскаго уѣзда, Прокопие-Бѣльской—Боровичскаго уѣзда и при Короцкомъ женскомъ монастырѣ.

Пасломщическія: При Нарововской единовѣрческой церкви, Крестецкаго уѣзда, Къямской—Бѣлозерскаго уѣзда и при Намотской—Демянскаго уѣзда.

Редакторъ официальной части

Секретарь Консисторіи *Д. Андреевъ.*

ЧАСТЬ НЕОФИЦИАЛЬНАЯ.

Вольскій Иванъ Ивановичъ.

Въ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ въ № 36 уже сообщена печальная вѣсть о кончинѣ Ивана Ивановича Вольскаго, послѣдовавшей въ ночь на 2 сентября. Болѣлъ Иванъ Ивановичъ на этотъ разъ недолго, всего нѣсколько дней.

И на этотъ разъ у него было предчувствіе близкой смерти. Посѣщавшимъ его о. Ректору и А. В. Гедевскому онъ говорилъ, что теперь онъ уже не надѣется встать съ постели. Въ воскресенье 30 августа Иванъ Ивановичъ приобщился Св. Таинъ, которыя послѣ литургіи принесены были къ нему на квартиру его духовнымъ отцемъ, протоіереемъ Никитенской церкви, о. Петромъ Рождественскимъ.

Умеръ Иванъ Ивановичъ отъ той болѣзни желудка, которая поставила его на край могилы еще лѣтъ 5 тому назадъ, когда положеніе его представлялось настолько безнадежнымъ, что онъ былъ уже особорованъ. Богу угодно было продлить его жизнь, правда все время страдальческую. На урокахъ въ семинаріи, на засѣданіяхъ Правленія часто можно было видѣть Ивана Ивановича съ проявленіями острыхъ желудочныхъ болей. Страдалъ Иванъ Ивановичъ и предъ своею смертію. Пишущій эти строки видѣлъ его за 3, за 4 часа до смерти. Иванъ Ивановичъ лежалъ на лѣвомъ боку, блѣдный, все время закрывъ свои глаза. Постоянно стоналъ и время отъ времени слышались отъ него отрывочные возгласы: „пить“, „льду“.—Правда и въ это время сознаніе не покидало Ивана Ивановича. Своему сыну Андрею Ивановичу, только что пріѣхавшему съ поѣзда, когда послѣдній поздоровался съ нимъ, почившій говорилъ: „ну, вотъ и пріѣхалъ

къ самому развалу“. А своему сослуживцу, старавшемуся ободрить его, Иванъ Ивановичъ сказалъ, что никакихъ надеждъ у него на выздоровленіе нѣтъ. Въ 9 часовъ вечера 1 сентября И. И. было сдѣлано подкожное впрыскиваніе морфіемъ, но оно не успокоило болѣе и не продлило жизни Ивана Ивановича. Околу часу ночи на 2 сентября Ивана Ивановича не стало.

На первую панихиду сослуживцы И. И. собрались въ 12 ч. дня. Служилъ о. Ректоръ. Иванъ Ивановичъ, совсѣмъ не перемѣнившійся (правда и нечему въ немъ было мѣняться, такъ какъ онъ страшно исхудалъ), лежалъ одѣтымъ въ вицмундиръ стараго покроя, въ которомъ привыкли видѣть его десятки поколѣній его учениковъ. Вторая панихида о. Ректоромъ совершена была вечеромъ въ 7 часовъ. 3 сентября о. Ректоръ совершилъ панихиду въ 10 часовъ утра и въ 4 часа состоялся выносъ тѣла Ивана Ивановича изъ квартиры въ Срѣтенскую церковь Антоніева монастыря.

По предложенію о. Ректора, отвѣчавшему желаніямъ сослуживцевъ почившаго и учениковъ, тѣло И. И. несли на рукахъ. Дороги отсутствовали. Такъ и послѣднее свое путешествіе до Антоніева монастыря при чудной погодѣ Иванъ Ивановичъ совершилъ безъ помощи лошадей и экипажей, какъ безъ нихъ онъ обходился свыше 40 лѣтъ, всегда пѣшкомъ, характерною походкою, совершая путешествіе до семинаріи и обратно.

Отпѣваніе И. И. совершено 4 сентября, въ пятницу. Литургію совершали о. Ректоръ въ сослуженіи Архимандрита Варсонофія, протоіерея Никитинской церкви о. Петра Рождественскаго, о. Эконома семинаріи и одного іеромонаха Антоніева монастыря. На отпѣваніе вышло свыше 22 протоіереевъ и священниковъ во главѣ съ о. Ректоромъ, Архимандритомъ Варсонофіемъ и Каѳедральнымъ протоіереемъ Г. Г. Семеновскимъ.

Ивана Ивановича всѣ любили, и потому не удивительно, если пожелавшихъ сказать ему свое послѣднее „прости“ оказалось очень много. Говорили во время отпѣванія въ церкви о. Ректоръ, преподаватели: А. В. Гедевскій, В. Н. Финиковъ. Т. М. Олейниковъ, священники о. Павелъ Раевскій, нарочито прибывшій на похороны изъ С. Петербурга, о. Алексѣй Борисовъ, священникъ с. Замостья Новгородскаго у., воспитанникъ 6 класса Соколовъ; на могилѣ сказали рѣчи преподаватели И. А. Головановъ и В. А. Раевскій.

Похороненъ Иванъ Ивановичъ на кладбищѣ Антоніева монастыря, рядомъ съ сыномъ, утонувшимъ въ прошломъ году 8 сент.

Мы живо представляемъ фигуру Ивана Ивановича въ гробѣ, когда его уже съ лицомъ покрыли прозрачнымъ покровомъ, по-верхъ полили масломъ, оставшимся отъ соборованія, и предали землѣ. Имѣя вѣнецъ на головѣ, съ разрѣшительною молитвою въ рукѣ, съ иконою на груди, которая осталась въ гробу, съ сѣдыми волосами, онъ напоминалъ почившаго патріарха, исполненнаго дней.

Обликъ Ивана Ивановича, какъ христіанина, и его обликъ, какъ преподавателя, какъ семьянина, очерчены достаточно въ приводимыхъ ниже надгробныхъ рѣчахъ. Поэтому мы кончаемъ свою замѣтку о смерти и погребеніи И. И. коротенькими справками изъ его формуляра.

Иванъ Ивановичъ, сынъ причетника, родился 12 октября 1839 г. въ с. Дрегляхъ Тихвинскаго у., обучался въ Тихвинскомъ дух. училищѣ, въ Новгородской семинаріи и въ Петербургской дух. Академіи, въ которой и окончилъ курсъ въ 1865 г. 24 авг. 1865 года опредѣленъ въ Александро-Невское духовное училище по латинскому языку и катихизису. Въ 1868 г. 1 авг. по случаю преобразованія духовнаго училища опредѣленъ въ штатные классы преподавателемъ латинскаго языка. По опредѣленію Педагогическаго Собранія Правленія Новгородской семинаріи 18 дек. 1868 г. перемѣщенъ въ Новгородскую семинарію на латинскій языкъ въ обоихъ классахъ средняго отдѣленія. По случаю преобразованія семинаріи 1 іюля 1870 г. опредѣленъ преподавателемъ латинскаго языка во всѣхъ классахъ семинаріи. Кромѣ прямыхъ своихъ обязанностей Иванъ Ивановичъ во все время своей службы исполняетъ тѣ или инныя нарочитыя порученія начальства. Такъ въ духовномъ училищѣ исполняетъ обязанности инспектора и помощника смотрителя училища. Въ семинаріи состоитъ членомъ комиссіи для разбора дѣлъ архива Новгородской дух. Консисторіи, временно преподаетъ педагогику, съ 1886 г. до смерти состоитъ Членомъ Распорядительнаго Собранія Правленія Семинаріи, съ 1894 г. по 1903 г. казначеемъ Новгородскаго Комитета Миссіонерскаго Общества.

Иванъ Ивановичъ послѣдовательно производится до чина статскаго совѣтника, начиная съ чина коллежскаго секретаря; получаетъ ордена Станислава 3 ст., Св. Анны 3 степени, Станислава 2 ст., Св. Анны 2 ст., Св. Владиміра 4 ст. и Св. Владиміра 3 ст., имѣлъ знакъ отличія за 40-лѣтнюю безпорочную службу.

По опредѣленію Новгородскаго дворянскаго депутатскаго собранія отъ 20 іюня 1901 г., надлежаще утвержденному, внесенъ въ III часть Дворянской родословной книги Новгородской губ.

Въ семействѣ у Ив. Ивановича остались: жена, 2 сына—офицеры, два сына, обучающіеся въ семинаріи, 2 дочери, одна изъ которыхъ обучается въ гимназіи.

Рѣчь предъ отпѣваніемъ старшаго преподавателя Новгородской духов. семинаріи Ивана Ивановича Вольскаго *).

Всякій разъ, какъ стою я у гроба усопшаго и провожаю его въ могилу, мнѣ кажется, будто и самъ стою на краю могилы, нахожусь на той узкой, едва уловимой грани, которая отдѣляетъ жизнь отъ смерти: человекъ жилъ, чувствовалъ, думалъ, говорилъ,—а чрезъ нѣсколько мгновеній лежитъ онъ безгласный и бездыханный... И какъ ничтожнымъ кажется тогда все то, что люди такъ дорого цѣнятъ при жизни, къ чему усиленно стремятся, за чѣмъ гонятся иногда всю свою жизнь!.. Исчезаетъ сила и крѣпость человека; красота тѣлесная вянетъ и тлѣетъ; слава и почести мірскія сразу теряютъ весь свой смыслъ, какъ безразличны онѣ для предмета неодушевленнаго; имущество и богатство остаются здѣсь на землѣ и не кладутся во гробъ!..

Останавливаясь на этомъ рубежѣ жизни и смерти, возвышаясь надъ обычною суетою дѣлъ, наша мысль невольно приковывается къ тому, что имѣетъ значеніе непреходящее, вѣчное: *какая польза человеку, если онъ приобрететъ весь міръ, а душу своей повредитъ* (Мѡ. XVI, 26)?!

Съ этой точки зрѣнія и въ каждомъ умершемъ человекѣ выступаетъ на первый планъ не столько его внѣшнее бытовое положеніе, не столько его общественныя или государственныя заслуги, сколько самая его *личность*, его нравственная красота и духовное богатство, т. е. то, что идетъ съ человекомъ и за гробъ, какъ часть его существа, какъ содержаніе, *свойство* его души.

Если мы сейчасъ станемъ разсматривать не эти бранные останки, лежащія во гробѣ, а вспомнимъ жизнь и дѣла того, кто покоится въ немъ, то не страшно намъ будетъ опускать его въ темную, холодную могилу...

*) Помѣщаемъ рѣчи въ томъ порядкѣ, какъ онѣ говорились въ церкви
Ред.

Страшно хоронить того, кто не получилъ или не сохранилъ въ себѣ сѣмени и залога райской жизни — человека невѣрующаго, нравственно омертвѣвшаго, отсѣченнаго отъ Лозы Истинной (Іоан. XV, 1—6), отъ Тѣла Христова, порвавшаго союзъ съ Церковію, лишеннаго силы и благодати Всесвятаго, Животворящаго Духа, Который обитаетъ въ ней. Благодареніе Богу! Почившій бережно донесъ до самой могилы безцѣнное сокровище своего сердца, до старости сохранилъ въ себѣ дѣтскую вѣру во Христа и Евангеліе со всею ея простотою, съ трогательною привязанностью къ церковнымъ установленіямъ, православнымъ обычаямъ и святымъ таинствамъ. Живая же вѣра въ Господа Іисуса Христа является основою въ человѣкѣ жизни нетлѣнной, вѣчной, ибо неразрывно связываетъ человека духовно со Христомъ — *Начальникомъ жизни* (Дѣян. III, 15), приобщаетъ его Божественному естеству Единороднаго и чрезъ то отнимаетъ самую возможность смерти безъ возстанія: *Я есмь воскресеніе и жизнь; вѣрующій въ меня, если и умретъ, оживетъ* (Іоан. XI, 25), сказалъ Христосъ Спаситель.

Страшно хоронить того, кто легкомысленно смотрѣлъ на жизнь свою, какъ на шутку, на забаву, на время удовольствій и наслажденій и серьезно задумывался только надъ тѣмъ вопросомъ, какія бы новыя развлеченія себѣ доставить, куда бы дѣвать себя днемъ или вечеромъ, какъ бы „убить“ свое время и избѣжать „скуки“?! Почившій же проникнутъ былъ строго христіанскимъ воззрѣніемъ на жизнь, какъ на время дѣланія и подвига, и жилъ убѣжденіемъ, что за каждый мигъ своей жизни, за каждое слово и дѣло придется человеку дать отчетъ предъ Богомъ, какъ рабу, которому господинъ довѣрилъ свои таланты. Его жизнь была сплошнымъ трудомъ сначала какъ ученика, а потомъ какъ учителя, трудомъ тяжелымъ, среди суровой обстановки и нищеты старой школы, среди нравственныхъ мукъ и скорбей за юношество новаго времени... Нужно опытно пережить, лично выстоять на стражѣ педагогической службы, чтобы понять, какую тугу сердечную и глубокую муку долженъ былъ вынести человекъ долга, дѣла и порядка, какимъ былъ почившій, въ эти безумные послѣдніе годы, когда, такъ называемые, „забастовки“, „бойкоты“, какъ нравственное массовое помѣшательство, охватили даже дѣтей, когда учащееся юношество „требовало“ только разныхъ „свободъ“ и правъ и забывало свои элементарныя обязанности предъ народомъ и совѣстью...

Страшно хоронить того, кто въ жизни исполненъ былъ злобы, лукавства, вражды на ближняго и безжалостнаго мщенія: *не любяй бо брата*, по слову Апостола, *пребываетъ въ смерти* (I Иоан. III, 14); страшно хоронить завистника, честолюбца, гордеца, въ самомнѣніи своемъ презирающаго другихъ. Почившій былъ на рѣдкость скромный человекъ и умѣлъ въ каждомъ независтливо уважать его дарованія или кротко, любовно снисходить къ его немощамъ. Бѣдность и лишенія въ годы воспитанія пріучили его къ замѣчательной простотѣ въ жизни, нетребовательности, умѣренности и бережливости, а христіанское смиреніе предохранило его отъ барскихъ привычекъ и манеръ и при улучшеніи его матеріальнаго положенія, при всѣхъ отличіяхъ и наградахъ, доступныхъ въ его должности по Царской милости. Благожелательный ко всѣмъ, онъ былъ чуждъ сухого формализма въ отношеніяхъ къ учащимся и часто самъ просилъ за шалуновъ, излишнею своею рѣзвостью и неумѣстнымъ ребячествомъ взволновавшихъ и огорчившихъ старика: „вы ужъ простите ихъ, о. р., они дали мнѣ обѣщаніе впредь не допускать этихъ шалостей“... Имѣя въ средѣ своихъ сослуживцевъ преподавателей семинаріи большинство своихъ же учениковъ, никогда почившій не проявилъ стремленія быть первымъ среди нихъ, выставиться впередъ, заявить о себѣ, какъ старшемъ...

Только въ одномъ покойный Иванъ Ивановичъ никому и ничему не хотѣлъ уступать—это въ исполненіи своего долга, въ исполненіи своихъ служебныхъ обязанностей: утромъ на уроки, вечеромъ на частыя по обстоятельствамъ послѣднихъ лѣтъ и продолжительныя, утомительныя засѣданія Правленія, осенью въ грязь и темноту, зимой въ морозъ и вьюгу, бывало, спозаранку идетъ Иванъ Ивановичъ своею особенною походкою „въ Антоново“, въ семинарію... И вѣдь такъ было не голъ, не два, а *сорокъ четыре года* (—цѣлая человѣческая жизнь!), изъ коихъ сорокъ одинъ годъ его службы прошли именно здѣсь.

Изо дня въ день, кромѣ вакацій, эти сорокъ съ лишнимъ лѣтъ онъ ходилъ въ свою родную семинарію, въ послѣдніе годы иногда явно больной, еле державшійся на ногахъ, тихо, сдержанно стонавшій отъ схватывавшихъ его болей... Что побуждало покойнаго къ такому самоотверженному подвигу? Забота ли объ обеспеченіи семьи, любовь ли къ воспитавшей его семинаріи, привычка ли къ труду, ставшая его потребностью?! Все это одинаково честно и достойно уваженія. Ему хотѣлось прослужить 45 лѣтъ учебно-воспитательному дѣлу и онъ собиралъ въ себѣ

послѣднія силы, превозмогалъ свой недугъ... На дняхъ насталь желанный 45 годъ учительской дѣятельности Ивана Ивановича и вотъ онъ пришелъ въ обитель Преподобнаго Антонія! Но пришелъ уже не для труда, а принесенъ сюда на рукахъ сослуживцевъ и воспитанниковъ на вѣчное упокоеніе отъ трудовъ, на безмятежный покой вблизи своей родной, любимой семинаріи, которой онъ отдалъ свои силы, подъ благодатною сѣнію и кровомъ Св. Угодника Божія, котораго онъ также считалъ какъ бы роднымъ себѣ, рядомъ съ милымъ сыномъ, погребеннымъ почти ровно годъ тому назадъ послѣ нечаянной, несчастной кончины въ волнахъ Волхова въ день Рождества Пресвятой Богородицы...

Да будетъ же, дорогой и незабвенный нашъ Иванъ Ивановичъ, благословенно это послѣднее твое пришествіе сюда! Съ любовью сопровождали мы тебя вчера и съ свѣтлою надеждою опустимъ тебя сегодня въ землю, ибо *не страшно* намъ хоронить того, кто остался вѣренъ до смерти всему христіанскому званію, своему святому дѣлу, кто былъ смиренъ сердцемъ своимъ!.. Заболѣвъ въ этотъ разъ, ты говорилъ: „нѣтъ, мнѣ болѣе уже не встать; *чувствую, что умру*“, но смерть свою ты встрѣчалъ совершенно спокойно, благодушно, безъ всякаго страха. Сойди же и въ могилу свою въ мирѣ и духовномъ радованіи, какъ странникъ, благополучно завершившій свой путь земной! Христосъ Исусъ, Богъ и Спаситель нашъ, первый и послѣдній, Тотъ, Кто былъ мертвъ и се живъ во вѣки вѣковъ и имѣетъ ключи ада и смерти (Апок. I, 17, 18), да упокоитъ тебя со святыми Своими!

Возлюбленные мои сослуживцы, дорогіе питомцы, братіе—христіане, чада свѣта (Еф. V, 8; I Сол. V, 5), сыны царствія! Не пустой, не историческій только обрядъ исполняемъ мы, окружая почестями гробы умершихъ, совершая кажденія, воспѣвая священныя погребальныя пѣнія. *Не умре—но спитъ* (Мѡ. IX, 24), дыханіе Божіе, *дыханіе жизни* (Быт. II, 7) только временно отлетѣло отъ этого тѣла, *ибо тлѣнному сему надлежитъ облечься въ нетлѣніе и смертному сему облечься въ безсмертіе* (I Кор. XV, 53), какъ зрѣлое пшеничное зерно, истлѣвая въ землѣ, въ тоже время начинаетъ новую жизнь, облекается въ форму ростка, цвѣтущаго стебелька и золотистаго колоса. Первенствующіе христіане день смерти своихъ вѣрующихъ называли *днемъ рожденія* и не предавались скорби объ умершихъ, ибо они знали, всѣмъ существомъ своимъ чувствовали, что умершіе о Христѣ, оставивши по суду Божію (Быт. III, 19),

землѣ свои тѣлесныя оболочки, созданныя изъ земли, духомъ раждаются для новой жизни, нетлѣнной, блаженной въ блиста- нии Божества. И мы грѣшныя, сподобившіеся великой милости Божіей креститься во Христа, знаемъ, что смерть наша не есть уничтоженіе, а только преложеніе, измѣненіе формъ бытія. И мы недостойныя чаемъ воскресенія мертвыхъ и жизни будущаго вѣка, гдѣ всѣ снова увидимъ другъ друга, чтобы жить чистою любовью и радоваться нескончаемою радостью какъ истиннымъ братьямъ, сонаслѣдникамъ Христа (Рим. VIII, 17) въ дому Отца Небеснаго.

Соедините же свои сердца и души, и силою вѣры, силою братской любви облегчите усопшему его загробный путь въ обители райскія, какъ вчера перенесли его въ эту обитель! Отдайте христіанскій долгъ умершему, давая ему послѣднее цѣлованіе! Окажите ему послѣднюю помощь, въ которой всѣ мы будемъ нуждаться: станемъ горячо, дерзновенно молиться о почившемъ, чтобы нынѣшній день погребенія его на землѣ былъ для души его на небѣ началомъ, рожденіемъ для новой жизни, свѣтонос- ною зарею воскресенія, „невечернимъ днемъ“ царствія его со Христомъ! Аминь.

Ректоръ Семинаріи Архимандритъ *Сербій*.

Рѣчь преподавателя Семинаріи А. В. Гедевскаго.

Предстоящій гробъ, въ соотвѣтствіи съ характеромъ почи- вающаго въ немъ и какъ человѣка—гражданина и какъ христіа- нина, прежде всего и невольно вызываетъ въ моей памяти сей, столь успокоительный для мятущагося духа человѣческаго, бо- жественный глаголъ: *Блажени мертви, умирающіи о Господѣ*.

Смерть обвѣваетъ насъ трепетомъ, а иныхъ и ужасомъ. Ни- какъ мы не можемъ свыкнуться съ нею, не смотря на то, что въ естественной жизни нѣтъ явленія болѣе обычнаго, болѣе ча- сто повторяющагося, чѣмъ она. Съ каждымъ нашимъ вздохомъ совпадаетъ чей нибудь послѣдній вздохъ. И тѣмъ не менѣе мы трепещемъ, когда смерть сражаетъ кого нибудь изъ нашихъ знае- мыхъ, горюемъ, когда подъ ея неумолимою косою падаютъ наши близкіе, родные,—и все это не безъ чувства тайной тревоги за себя самихъ, что вотъ быть можетъ не за горами и нашъ чередъ, что не сегодня—завтра можетъ пробить и нашъ послѣдній часъ.

Испытываемыя нами при встрѣчѣ съ случаями смерти тревоги конечно понятны. Смерть—явленіе хотя и самое обыкновенное, но для человѣка не только не естественное, но и противоестественное, привзошедшее въ человѣческую природу извнѣ. И вотъ природа человѣческая, не смотря на присущее намъ сознаніе неминуемости смерти для каждаго, и отвращается отъ нея, удаляя по возможности и самую мысль о ней.

Такою обычно представляется смерть если не для всѣхъ, то для громаднаго большинства людей, которые какъ будто хотѣли бы нескончаемо прятать нить своей жизни. Но не такова она, не такъ встрѣчается она тѣми, о которыхъ сказано: *блажени мертви, умирающіи о Господѣ.*

Каждый изъ насъ является въ настоящій міръ не по прихоти случая, и не сцѣпленіемъ случайностей должна опредѣляться и жизнь наша здѣсь. Нѣтъ мы приходимъ сюда съ опредѣленнымъ назначеніемъ, предуказаннымъ свыше. Въ нашей волѣ избирать только пути жизни, которые или ведутъ насъ къ цѣли, или отклоняютъ отъ нея. И вотъ тѣ изъ насъ, кто, для выполненія своего высшаго предназначенія, избираютъ пути прямые, твердо на нихъ устанавливаются, не допуская уклоненій въ сторону,—рѣзкихъ по крайней мѣрѣ,—тѣ не могутъ смущаться, когда почувствуютъ приближеніе своего смертнаго часа.

А таковъ именно и былъ почившій. Къ нему можно примѣнить, понимая ихъ въ самомъ лучшемъ смыслѣ, слова: „свершилъ въ предѣлѣхъ земномъ все земное“. Да, такъ. И самъ почившій сказалъ бы это—и мнѣ онъ простить, если я дерзну сгруппировать нѣсколько чертъ, наиболѣе вышукло обрисовывающихъ его личность, чтобы на этой канвѣ выступилъ предъ нашимъ сознаніемъ его симпатичный образъ.

Въ сознаніи сослуживца почившій естественно выступаетъ прежде всего со стороны своей служебной дѣятельности; въ связи съ служебно-товарищескими отношеніями. И здѣсь представляется онъ мнѣ какъ бы созданнымъ для службы, и именно въ семинаріи, въ своей родной семинаріи. Исключительно ей отдавалъ онъ всѣ свои силы, съ нею и въ ней завязанъ былъ для него узелъ всѣхъ его общественныхъ интересовъ. Семинарія—центръ и вмѣстѣ периферія всѣхъ его общественныхъ какъ было. Отграничивъ для себя рѣзко очерченную сферу дѣятельности,—какъ зато онъ былъ преданъ ей! Исполненіе служебнаго долга стало для него не усвоеннымъ принципомъ, а жизненной потребностію, для удовлетворенія которой онъ усиливался превозмогать всякія

препятствія, не исключая и тѣхъ, которыя выдвигались то немощами его возраста, то приступами тѣхъ или другихъ болѣзненныхъ недуговъ. Только уже прикованный къ постели болѣзнію, онъ могъ допустить, чтобы не явиться на службу. И это не въ отношеніи только уроковъ. Бывало, замѣтивъ его удрученный, болѣзненный видъ, когда онъ вечеромъ, часто при ненастной погодѣ, притащится на засѣданіе правленія, — скажешь ему: „что — безъ тебя то не разсудили бы*? „Не въ томъ, братъ, дѣло, — отвѣчалъ онъ, — я не приду, ты не придешь — какая жъ это служба? а главное просто не сидится дома, когда чувствуешь, что долженъ быть тутъ“. И только такая преданность дѣлу могла давать ему силы безъ тяготы нести свое нелегкое бремя — и на протяженіи такого, повидимому страшно долгаго времени. Просидѣть почти 45 лѣтъ на латинскомъ языкѣ, да для этого не хватить никакого терпѣнія! Но такъ можно подумать, такъ можно сказать, только смотря на дѣло со стороны, издали. Для почившаго же и вопроса тутъ никакого о времени не было, да и не могло быть. Не только тяготы никакой не испытывалъ онъ, проходя свою службу, но и представить себя не могъ безъ этой службы. Можно съ увѣренностію сказать, что — пусть бы лѣтъ пять, — десять тому назадъ почему нибудь пришлось ему покинуть службу — и онъ несомнѣнно давно бы уже сгасъ, давно бы уже не было его между нами.

А его служебно-товарищескія отношенія? Ихъ можно бы охарактеризовать всего двумя словами: выдержанность и неизмѣнное спокойствіе. Никогда ни по чьему адресу не срывалось съ его устъ слова-рѣзкаго или даже только произнесеннаго повышеннымъ голосомъ. И сколько, можно думать, пылкихъ характеровъ охлаждались отъ одного соприкосновенія съ такимъ спокойствіемъ, сколько несдержанныхъ словъ замирали на нетерпѣливыхъ устахъ, невольно замыкавшихся при одной мысли о стоической невозмутимости почтеннаго ветерана. И истинное достоинство всегда себѣ равно: нельзя было и отгѣнка разности подмѣтить въ отношеніяхъ почившаго къ начальствующимъ ли, къ равнымъ ли себѣ, или занимающимъ болѣе скромное служебное положеніе. Со всѣми всегда и одинаково привѣтливъ, ко всѣмъ одинаково внимателенъ. Но что же я объ этомъ распространяюсь? развѣ не всѣмъ его сослуживцамъ это такъ же хорошо извѣстно, какъ и мнѣ? Да. Но относясь такъ къ служебному долгу, къ своимъ сослуживцамъ, почившій не уполномочиваетъ ли меня сказать, что въ этомъ отношеніи онъ свершилъ все въ предѣлѣ земномъ,

выполнилъ свое предназначеніе, и вотъ для проникновеннаго сознанія слышится въ примѣненіи къ нему божественный глаголь: *блажени мертвіи, умирающіи о Господь.*

Примѣрный жрецъ служебнаго долга, почившій былъ не менѣе примѣрнымъ и семьяниномъ. Господь благословилъ его многочисленною семьею. Но увеличеніе семьи его не смущало, какъ не рѣдко бываетъ теперь, а радовало и лишь поощряло еще больше и больше работать на пользу ея. Какъ общественный его интересъ находилъ себѣ полное удовлетвореніе въ его службѣ родной Семинаріи, устраняя его не только отъ всякихъ порывовъ на иные пути, но и отъ самой мысли о возможности для него такихъ путей, такъ и въ частныхъ его отношеніяхъ семья составляла для него всеисчерпывающее начало. Все—для семьи и ничего. для себя—было какъ бы его лозунгомъ,—и опять не въ смыслѣ усвоеннаго принципа, а въ смыслѣ жизненнаго начала. Для него какъ бы не существовали всѣ тѣ способы и средства, къ которымъ многіе изъ насъ прибѣгаютъ, чтобы внести въ свою жизнь такъ называемое развлекающее разнообразіе,—скоротать время. Онъ просто не чувствовалъ въ нихъ потребности, и какого то долгаго времени, которое бы нужно было коротать, онъ не зналъ. Такъ всецѣло заполнялъ его домашній очагъ съ его нескончаемыми заботами. И удивительно ли? Однихъ заботъ и разныхъ хлопотъ, связанныхъ съ вопросомъ о воспитаніи дѣтей, было достаточно, чтобы наполнить ими цѣлую жизнь, а не какіе то тамъ урывки досуговъ. Едва одни изъ дѣтей поднимались на ноги, нужно было думать, какъ устроиться съ другими, куда, въ какую школу сдѣлать, къ какому готовить жизненному поприщу. И это на протяженіи десятковъ лѣтъ! И все это дѣлается безъ тяготы, безъ какихъ нибудь жалобъ на непосильность напримѣръ матеріальныхъ затратъ,—дѣлается съ самоотверженною любовію. И въ дѣтяхъ Господь послалъ почившему истинное утѣшеніе. Они стали, или становятся тѣмъ, чѣмъ хотѣлъ онъ ихъ видѣть,—всѣ они являются предъ нами благовоспитанными скромными тружениками, готовыми идти по пути своего отца-труженика. Испуская свой послѣдній вздохъ, почившій могъ съ отрадою сказать себѣ: и въ отношеніи семьи я сдѣлалъ все. И вотъ для насъ уже явственно раздается въ примѣненіи къ нему божественный глаголь: *блажени мертвіи, умирающіи о Господь.*

Добрѣ проходилъ почившій свое жизненное поприще и какъ христіанинъ. Это—конечно область тайная, священнѣйшая и не

допускаетъ даже и осторожныхъ къ себѣ стороннихъ прикосновеній. Но все же мы можемъ сказать, что ни служебныя тяготы, ни семейныя попеченія не отклоняли его отъ точнаго исполненія христіанскихъ обязанностей. Доступны также нашему наблюденію и нѣкоторыя проявленія его истинно христіанской настроенности. Какъ на примѣръ трогательно было видѣть его въ дни Страстной седмицы въ церкви, когда, онъ, стоя гдѣ нибудь въ сторонкѣ, съ книжкою въ рукахъ, съ сосредоточеннымъ вниманіемъ слѣдилъ по ней за богослужебными чтеніями, или повторялъ про себя молитвы ко св. причащенію, очевидно не будучи въ состояніи хорошо слышать ихъ издали. Истомленный длительнымъ недугомъ, онъ давно уже смотрѣлъ на себя, какъ на странника, которому предстоитъ еще одинъ—два коротенькихъ перехода, чтобы вступить наконецъ въ свое истинное отечество. Уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ какъ бы оттрясъ отъ себя все земное, когда впервые сраженъ былъ приступомъ своего недуга и, приготавлиаясь къ своему исходу, настойчиво пожелалъ освятиться таинствомъ елеосвященія. И во время послѣдняго приступа его недуга единственною тревогою его, впрочемъ уже пережитою имъ было опасеніе, что онъ могъ умереть безъ христіанскаго напутствованія. Приступъ болѣзни былъ такъ жестокъ, такъ мучительно невыносимъ, что ему казалось, что искра жизни погаснетъ въ немъ прежде нежели окончится литургія и его духовный отецъ успѣетъ придти къ нему для напутствованія. Не въ правѣ ли мы въ виду всего этого сказать, что почившій былъ человѣкъ истинно-христіанской настроенности, что онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ, которые не могутъ смущаться предъ наступающею на нихъ смертію, и вотъ уже какъ труба громкая звучитъ для насъ божественный глаголъ: *блажени мертвіи, умирающіе о Господѣ.*

Иди же, добрый труженикъ и дорогой товарищъ, въ покой свой, и мы все, во главѣ съ твоими кровными, напутствуя тебя уповательными молитвами, да покроетъ Господь Своимъ милосердіемъ грѣхи слабости твоей и невѣдѣнія и да вселитъ тебя съ сонмомъ праведныхъ Своихъ, тѣмъ самымъ будемъ умѣрять свою скорбь по поводу разлуки съ тобою.

Рѣчь преподавателя В. Н. Финикова.

Любимый дѣдушка!

Этимъ именемъ я звалъ тебя при жизни; позволь этимъ же именемъ назвать тебя и послѣ твоей смерти.

Я имѣлъ счастье быть твоимъ ученикомъ. И прежде всего поклонъ тебѣ отъ меня, какъ наставнику. Ты былъ человекъ дѣла; мы знали, что Иванъ Ивановичъ даромъ балла не поставитъ. Такъ ты и изъ насъ, твоихъ учениковъ, хотѣлъ воспитать людей долга, людей дѣла.

Ученики не окружаютъ твоего гроба плотными массами. Но около твоего праха почти въ полномъ составѣ твои печальные сослуживцы.

И я вижу глубокую думу на лицѣ старѣйшихъ членовъ семинарской преподавательской семьи. Съ понятною грустью видятъ они, какъ ихъ рядъ, и безъ того уже не длинный, рѣдѣетъ и рѣдѣетъ. Сошли въ могилу уже на моей памяти: Иванъ Петровичъ Пеньковскій, Василій Ивановичъ Руженцовъ, Николай Стахievичъ Бровковичъ, Николай Васильевичъ Николаевскій, Нилъ Григорьевичъ Кудрявцевъ и другіе старые служаки въ Новгородской семинаріи. Теперь среди нихъ новый, твой гробъ. И взоръ нашихъ стариковъ съ оживающею тревогою снова и снова приковывается къ той загадкѣ, которая называется смертью и которая теперь перестала существовать для тебя.

Старики наши скромны и нѣтъ у нихъ въ головѣ тѣхъ думъ, которыми думаемъ о нихъ мы, молодые ихъ сослуживцы.

Мы молоды сравнительно, но хотѣли и, кажется, умѣли цѣнить своихъ товарищей стариковъ. И вотъ у твоего гроба мы съ полною искренностію исповѣдуемъ, что въ лицѣ твоемъ, какъ и другихъ старыхъ служаковъ, семинарія имѣла и имѣетъ подлинно столпы своей жизни.

Мы присматривались къ вамъ, и насъ прежде всего поражала въ васъ ваша скромность, ваша нетребовательность отъ жизни. Поступить на какой-н. латинскій языкъ и, борясь съ нуждою, прослужить на этомъ предметѣ сорокъ пять лѣтъ, не ища ничего лучшаго, для этого дѣйствительно нужно быть очень нетребовательнымъ отъ жизни человекомъ.

Всѣ вы люди долга, люди дѣла. Жладу руку на сердце и говорю, что вы не заискивали популярности у своихъ учениковъ, популярности, которой цѣна грошъ, если она покупается не честнымъ исполненіемъ долга.

Намъ не забыть той деликатности, съ которою вы приобщали къ своей преподавательской семьѣ насъ, молодыхъ вашихъ коллегъ, часто учениковъ.

Удивляла, наконецъ, въ васъ самоотверженная деликатность въ отношеніяхъ другъ къ другу. Вы выросли въ то время, когда,

какъ святыня, не провозглашался позорный для человѣка принципъ борьбы за существованіе. Ты и еще одинъ здравствующій мой сотоварищъ старикъ говорили, что вамъ и въ голову никогда не приходило улучшать свое матеріальное благосостояніе за счетъ ухудшенія матеріальнаго положенія своихъ сослуживцевъ.

И такъ, еще разъ поклонъ тебѣ, какъ требовательному, но не суровому наставнику и какъ деликатнѣйшему сослуживцу.

Пусть духъ, который въ тебѣ, живетъ и въ насъ, твоихъ молодыхъ коллегамъ.

Рѣчь воспитанника VI кл. г. Соколова.

Дорогой наставникъ,
Иванъ Ивановичъ!

Позволь и мнѣ, какъ представителю многочисленной семьи настоящихъ воспитанниковъ семинаріи, въ которой ты полвѣка учительствовалъ, сказать тебѣ послѣдній прощальный привѣтъ.

Пять лѣтъ я былъ твоимъ ученикомъ, періодъ, вполне достаточный, чтобы понять и оцѣнить тебя.

Предметомъ твоего полувѣкового учительскаго труда былъ латинскій языкъ, предметъ, можно сказать, сухой, мертвый, а въ послѣдніе годы и потерявшій свое прежнее значеніе и цѣну въ школѣ. Но своими прекрасными личными качествами человѣка и педагога ты сдѣлалъ и сухой предметъ сдѣлать интереснымъ и мертвое дѣло оживить.

Твои рѣдкія чисто родственныя простота, прямотушіе и искренность обращенія съ нами, твои мудрыя назидательныя и задушевныя бесѣды, твое опытное веденіе своего дѣла, рѣдкое по безпристрастности отношеніе къ нашему труду и успѣхамъ заставляли насъ интересоваться твоими уроками, охотно посѣщать ихъ, побуждали всѣхъ насъ уважать и почитать тебя, многихъ любить тебя и благоговѣть предъ твоими сѣдинами и мудростію. Мы гордились тобою, своимъ добрымъ и мудрымъ патріархомъ педагогомъ.

Отправляясь на послѣднія лѣтнія каникулы, мы далеки были отъ печальной мысли о твоей скорой смерти и вѣчной земной разлукѣ съ нами. Напротивъ, мы вполне были увѣрены, что и въ новомъ учебномъ году будемъ постоянно видѣть тебя среди почтенной семьи нашихъ наставниковъ и руководителей. Но Господь судилъ иначе. Неожиданно для насъ въ самомъ преддверіи

новаго учебнаго года пробилъ твой смертный часъ и тебя не стало среди насъ, не стало патріарха педагога въ родной семинаріи.

Немного насъ окружаетъ твой гробъ, но отъ лица всѣхъ мы выражаемъ свои тяжелыя скорбныя чувства при разлукѣ съ тобою.

Прости насъ, дорогой наставникъ, за наши юношескія предъ тобой прегрѣшенія, которыми иногда мы нарушали твой душевный покой, и прощай до загробной встрѣчи.

Память о тебѣ, нашемъ мудромъ и добромъ наставникѣ, до смерти не изгладится изъ нашихъ сердець. А кому Богъ приведетъ служить въ высокомъ званіи пастыря церкви, тотъ, навѣрное, сочтетъ своимъ священнымъ долгомъ молиться за тебя предъ престоломъ Божиимъ.

Прости же и прощай, дорогой наставникъ!

Рѣчь преподавателя Т. М. Олейникова.

Еще нѣсколько быстролетныхъ мгновений и подлежащій бездыханный трупъ дорогого сослуживца навсегда скроется съ нашихъ глазъ во мракъ холодной могилы. Такъ совершилось грозное слово Господне— „земля еси, и въ землю отыдеши“.

Смерть всегда вноситъ въ нашу жизнь какой-то диссонансъ и если бы у насъ не было вѣры въ загробную, потустороннюю жизнь, то этотъ диссонансъ привелъ бы насъ къ отрицанію жизни, къ отрицанію смысла ея, привелъ бы насъ къ глубокому, всеотрицающему пессимизму. Да, мы вѣруемъ, мы и исповѣдуемъ загробную жизнь. Но все-таки... все-таки плоть непомощна. И поэтому смерть всякаго человѣка, человѣка намъ совершенно незнакомаго, производитъ на насъ гнетущее, тяжелое впечатлѣніе. Но если такъ, то какое же впечатлѣніе должно получиться отъ смерти человѣка, съ которымъ ты жилъ, съ которымъ сроднился по духу, волосы котораго посѣдѣли на службѣ тому дѣлу, которому хочешь отдать и свою лишь начинающую жизнь?! Вступать въ жизнь вначалѣ хорошо, но лишь окунешься въ нее, лишь немного испытаешь житейскихъ невзгодъ, какъ начинаешь иногда теряться, начинаешь чувствовать свое безсилье, свою безпомощность. И это тѣмъ болѣе, когда приходится начинать свою жизнь вдали отъ родныхъ и знакомыхъ. А въ такомъ положеніи оказался я. И вотъ невольно обращаешь свой взглядъ на тѣхъ лицъ, которыя уже живутъ и жили, у которыхъ позади много работы, много борьбы; обращаешь къ тѣмъ лицамъ, у которыхъ позади много

мудраго, житейскаго опыта, обращаешься въ надеждѣ получить отъ нихъ совѣтъ. Такимъ лицомъ для меня и, убѣжденъ, для всѣхъ молодыхъ, еще начинающихъ свою дѣятельность преподавателей, — былъ и всегда будетъ почившій.

44 года онъ прослужилъ, проработалъ одному и тому же великому дѣлу. 44 года... Сколько за это время произошло въ жизни переменъ, всевозможныхъ событій! Люди умирали, нарождались. Иные изъ нихъ сладко дремали, ни о чемъ не заботясь, или слишкомъ волновались, бросались отъ одного дѣла къ другому, часто мѣняя свои вѣрованія, свои взгляды, мечты. Одно намѣчалось, другое бросалось не доведеннымъ до конца. И такъ часто, а за послѣднее время чуть не всегда. Но среди этихъ метаморфозъ, среди этого калейдоскопа всевозможныхъ переменъ, жилъ, всегда крѣпкій, всегда стойкій въ своихъ вѣрованіяхъ, въ своихъ завѣтахъ дорогой, теперь уже почившій, нашъ сослуживецъ.

44 года онъ проводилъ борозду за бороздой на порученной ему нивѣ. Много, конечно, пришлось ему здѣсь положить своихъ трудовъ и заботъ; много невзгодъ и разочарованій разныхъ пришлось ему пережить. Но это не останавливало его никогда, но это не выбило и не могло выбить изъ рукъ его плуга. И онъ трудился, работалъ; 44 г. трудился надъ однимъ и тѣмъ же дѣломъ. И вѣдь уже изъ одного этого факта сколько можно извлечь нравственной поддержки всякому начинающему преподавателю?!

Кто станетъ отрицать, что должность учителя очень важна и трудна, что она въ высшей степени отвѣтственна? Недаромъ же еще въ древности глубокой на учителя смотрѣли, какъ на такого человѣка, который вкладываетъ въ души молодыхъ поколѣній огонь небесный, огонь божественной мудрости. Понятно, что учителю поэтому всегда приходится быть на высотѣ своего призванія; понятно, что онъ самъ долженъ всегда надъ собой работать, чтобы быть способнымъ и въ силахъ вложить въ душу питомцевъ сѣмя доброе. А это развѣ легкое дѣло?! Нѣтъ оно требуетъ отъ учителя всей его жизни. И вотъ многіе, вступивъ на учительскій путь, скоро бѣгутъ отъ него, а если не бѣгутъ, то идутъ по этому пути съ большимъ неудовольствіемъ.

Но почившій 44 г. шелъ по этому пути безъ всякаго недовольства, шелъ, никогда не уклоняясь ни направо, ни налево: онъ всегда шелъ прямо и твердо къ намѣченной цѣли. Согласитесь—это удѣлъ лишь немногихъ, это подвигъ извѣстный.

Умеръ Ив. Ив. и какъ то не вѣрится, что Семинарія, которая 44 г. привыкла его видѣть въ своихъ стѣнахъ, больше не увидитъ его никогда. И думается—вотъ рухнулъ одинъ изъ прочныхъ камней, на которомъ держалась Новгородская Семинарія: пошли же, Господи, на мѣсто его другой, такой же прочный и крѣпкій камень для нашей Семинарии; а почившаго упокой въ обителяхъ Своихъ. Аминь.

Рѣчь Священника о. Павла Васильевича Раевского *).

Дорогой и незабвенный учитель, Иванъ Ивановичъ, не соби-
рался я говорить, когда я поѣхалъ сюда на твое погребеніе. Тебѣ „не нужно теперь ни пѣсенъ, ни словъ“... Я пріѣхалъ сюда еще поучиться у тебя и поблагодарить за прежніе уроки. Не уроки латинскаго языка я имѣю въ виду, а уроки, которые остаются на всю жизнь. Ты своею личностью училъ насъ... И не напрасно пріѣхалъ я помолиться у гроба твоего. Вся обстановка погребенія оставитъ глубокой, неизгладимый слѣдъ въ моей душѣ. Сегодня ты многому научилъ, дорогія минуты заставилъ пережить. Предшествующіе ораторы говорили о честномъ исполненіи тобою служебнаго долга, говорили о твоей религіозности, характеризовали тебя, какъ примѣрнаго семьянина... На лицахъ присутствующихъ видна сейчасъ неподдѣльная грусть, слышатся вздохи, идущіе изъ глубины души. Видно, что совершается погребеніе человѣка всѣмъ близкаго, дорогого, человѣка въ самомъ лучшемъ значеніи этого слова, человѣка—христіанина. Ты въ день своего погребенія лучше всякихъ словъ учишь и насъ быть прежде всего людьми—христіанами. Спасибо, спасибо, дорогой Иванъ Ивановичъ, за этотъ урокъ, спасибо и за прежніе уроки, данные тобою намъ въ этомъ направленіи. Что же принести тебѣ сегодня въ знакъ благодарности? Обычно въ такихъ случаяхъ приносятъ вѣнки. Но едва ли ты нуждаешься въ вѣнкахъ изъ тлѣнныхъ цвѣтовъ. Ты самъ вѣдь уже сплелъ себѣ вѣнокъ изъ цвѣтовъ добродѣтели, съ которыми пойдешь къ престолу Божію. Позволь и мнѣ вплести цвѣтокъ въ этотъ твой вѣнокъ. Прими, дорогой учитель, въ настоящую минуту отъ меня обѣщаніе молиться о упокоеніи твоей души. Обѣщаю вспоминать тебя въ своихъ молитвахъ каждую Божественную литургію. Пусть это и будетъ цвѣткомъ,

*) Приблизительно.

который я вплетаю въ твой вѣнокъ. Прости за малый даръ, но вѣрю, что этотъ даръ для тебя теперь всего нужнѣе. Молитва къ Богу идетъ и, какъ благоуханіе самыхъ лучшихъ цвѣтовъ, обвѣваетъ душу усопшаго, дѣйствуя на нее успокаивающимъ образомъ. Желалъ бы я, чтобы и всѣ твои многочисленные ученики почтили твою память этимъ даромъ и окружили твое доброе имя благоуханіемъ молитвъ въ знакъ благодарности за всѣ бѣднѣ и труды твои, имже трудился ты на землѣ...

Въ заключеніе обращаюсь ко всѣмъ предстоящимъ и молящимся съ горячею просьбою отъ души произнести: „Боже духовъ и всякой плоти, упокой душу усопшаго въ мѣстѣ свѣтломъ, въ мѣстѣ злачномъ и покойномъ“. Аминь.

Рѣчь преподавателя семинаріи И. А. Голованова.

Ну вотъ и пришелъ ты къ мѣсту земного твоего упокоенія, дорогой нашъ дѣдушка, какъ прекрасно назвалъ тебя сейчасъ одинъ изъ твоихъ учениковъ и сослуживцевъ. Еще немного минутъ и земля скроетъ тебя отъ глазъ нашихъ. Прежде чѣмъ это будетъ, я чувствую нравственный долгъ сказать тебѣ нѣсколько послѣднихъ словъ. Не имѣлъ я счастья слушать твои уроки со школьной скамьи, но съ полнымъ правомъ могу причислять себя къ тѣмъ ученикамъ, которыхъ ты училъ не словомъ, а дѣломъ. Твой нравственный обликъ особенно привлекалъ насъ, твоихъ младшихъ сослуживцевъ. Вступая въ семью семинарскихъ преподавателей, мы младшіе изъ братій этой семьи встрѣчали въ тебѣ привѣтливаго и добродушнаго товарища. Будучи старше насъ лѣтами, мудростію и опытностію, ты никогда не давалъ намъ и чувствовать этого своего превосходства. Ни малѣйшей тѣни притязательности, превозношенія или чего-либо подобнаго у тебя не было. Каждый вновь поступающій на трудное педагогическое дѣло молодой преподаватель встрѣчалъ въ тебѣ ласковаго, привѣтливаго, доброжелательнаго товарища и незамѣтно для тебя самого опытнаго наставника и руководителя. Своимъ неизмѣнно добродушнымъ разговоромъ и доброжелательнымъ обращеніемъ со всѣми, ты училъ насъ, какъ надо жить съ другими и какъ надо служить на избранномъ поприщѣ дѣятельности. Ты училъ насъ, самъ того не замѣчая, и тогда, когда былъ вмѣстѣ съ нами въ нашей учительской комнатѣ, училъ и тогда, когда собирались мы на засѣданія Правленія, училъ и въ то время, когда не

разъ въ темные дождливые вечера осени, а также и въ другое время, вмѣстѣ съ нами ходилъ въ Антоновъ на педагогическія собранія и обратно съ собраній къ нашимъ семинарскимъ домамъ. Благодарность и поклонъ тебѣ за твои добрые уроки. Потеря тебя для всѣхъ твоихъ сослуживцевъ тяжела и съ тугою сердца расстаемся мы съ тобой. Но на все воля Божія. Я не хотѣлъ было говорить, не надѣясь по достоинству въ своей рѣчи воздать тебѣ должное, но заговорила сама душа, когда вспомнилъ я слово Писанія: „тайну цареву добро хранить, дѣла же Божія открывать славно“ (Тов. XII, 7), дѣла Божіи такія, которыми прославляется Богъ. Ты своею добротою, истинно христіанскимъ смиреніемъ, правдивостію, прямодушіемъ и другими прекрасными качествами души, о которыхъ вспоминали сегодня сослуживцы твои и ученики, прославлялъ Бога. Объ этихъ твоихъ дѣлахъ, дѣлахъ достойныхъ истиннаго христіанина, какимъ ты и былъ, и говорить, по Слову Писанія, всегда и всякому достойно, и я увѣренъ, что долго не перестанутъ о тебѣ говорить и послѣ того, какъ смолкнутъ надгробныя рѣчи. Но ты покойся мирно, дорогой нашъ дѣдъ: о тебѣ будутъ говорить только доброе... Ты былъ здѣсь всегда и ко всѣмъ мирно и добродушно настроенъ, пусть же Господь пошлетъ миръ и вѣчный покой душѣ твоей и тамъ на небѣ, за предѣлами этого тѣснаго гроба, въ странѣ вѣчнаго твоего упокоенія.

Послѣ И. А. Голованова нѣсколько словъ сказалъ В. А. Раевскій. Отмѣтивши тотъ знаменательный для себя фактъ, что онъ старѣйшій ученикъ усопшаго, воспринимавшій отъ него полныя кротости и добра воздѣйствія съ самыхъ первыхъ шаговъ учебно-воспитательной дѣятельности Ивана Ив., въ пору его молодости и мужественнаго расцвѣта силъ, В. А. поклонился ему и благодарилъ его съ живымъ чувствомъ признательности. Затѣмъ, признавъ, что нравственная личность покойника прекрасно и правдиво очерчена въ рѣчахъ при погребеніи, В. А. выразилъ желаніе для полноты очерка прибавить только одну черточку, которая, казалось ему, ускользнула отъ вниманія предшествовавшихъ ораторовъ. Незабвенный Иванъ Ив. 44 года сидѣлъ на „мертвомъ“ латинскомъ языкѣ. Какъ это было возможно для живого, практическаго человѣка, какимъ былъ умершій? В. А. отвѣтилъ на этотъ вопросъ въ такомъ смыслѣ. Въ старой Семинарской школѣ, — до устава 67-го года, — господствовали тради-

ціи, значительно отличныя отъ порядковъ позднѣйшаго времени. Вообще въ среднеобразовательныхъ школахъ Европы цѣлыхъ триста лѣтъ классическіе языки были главными учебно-воспитательными предметами; ихъ значеніе здѣсь породило непоколебимую вѣру въ ихъ воспитательную силу. „Въ этой вѣрѣ воспитывались и мы съ покойнымъ“, говорилъ В. А. Но тогда какъ я утратилъ потомъ эту вѣру, незабвенный Иванъ Ив. сохранилъ ее до конца дней своихъ. И эта вѣра помогала ему неизмѣнно нести тяжесть жизни и, вмѣстѣ съ добрымъ и твердымъ характеромъ, была источникомъ незримаго вліянія его на питомцевъ. Еще разъ поклонъ тебѣ, незабвенный Ив. Ив., и вѣчная память“!

Въ день похоронъ Ивана Ивановича изъ Гатчины отъ священника о. Василія Левитскаго на имя о. Ректора семинаріи получена такая телеграмма:

„Просимъ родную семинарію принять наше благоговѣйное сочувствіе къ памяти о вѣ Бозѣ почившемъ Иванъ Ивановичъ Вольскомъ.“

Священ. *Василій Левитскій* съ семействомъ“.

Гдѣ быть Епархіальному училищу.

Блаженной памяти митрополитъ Исидоръ увѣковѣчилъ свое имя въ Новгородской Епархіи тѣмъ, что устроилъ Епархіальное училище для дѣвицъ-сиротъ духовнаго званія, положивъ начало этому училищу въ 1869 г. въ Званкѣ, а затѣмъ, когда явилась нужда приравнять его къ училищамъ прочихъ епархій и сдѣлать шести-класснымъ, онъ старшіе три класса учредилъ въ Деревяницахъ, поближе къ Новгороду. Въ этомъ отношеніи наше Епархіальное училище оригинально; такого раздѣленія одного училища на два и на семидесяти-верстномъ разстояніи другъ отъ друга не существуетъ въ другихъ епархіяхъ. Идея основанія училища въ Званкѣ, идея устройства старшихъ классовъ въ Деревяницахъ просто непонятна. Митрополитъ Исидоръ благодѣтель епархіи. Но нужно признать, безъ всякой дерзости осудить его имя, что основаніемъ училища въ Званкѣ онъ допустилъ первую ошибку. Чѣмъ онъ могъ руководиться? Имѣлъ-ли онъ въ виду проценты Державинскаго капитала? Или онъ полагалъ, что въ

Званской глуши, гдѣ нѣтъ и не можетъ быть никакихъ соблазновъ и помѣхъ, дѣло образованія дѣвицъ пойдетъ безпрепятственно, успѣшно, прогрессируя (какъ мы знаемъ, послѣдній расчетъ покойнаго Владыки-созидателя, если таковой былъ у него, далеко не оправдался). Далѣе. Явилась потребность преобразовать училище въ шести-классное. Съ первой ошибкою можно бы такъ или иначе примириться, если бы въ той же Званкѣ открыты были и старшіе три класса: нашлось бы мѣсто, устроились бы зданія; за приличное содержаніе нашлись бы и преподаватели. О неудобствахъ сообщенія и наблюденія ревизирующей порядки училища власти мы не говоримъ: по крайней мѣрѣ, училище было-бы въ одномъ пунктѣ. Можно бы было придумать лучшей исходъ и совершенно избѣжать указанныхъ неудобствъ по отношенію хотя къ старшимъ тремъ классамъ и устроить эти классы въ самомъ Новгородѣ на томъ же архіерейскомъ мѣстѣ, гдѣ предполагается устроить училище въ будущемъ. Но, какъ извѣстно, одна ошибка ведетъ за собою другую. Старшіе классы Епархіальнаго училища устроены и гдѣ же?—въ Деревяницахъ, не доѣзжая 6 верстъ до Новгорода, и съ какой при этомъ случаѣ ломкой! Мужской монастырь, бывшій ранѣе, закрывается; монахи, которыхъ и было немного въ этомъ бѣдномъ и ничѣмъ не замѣчательномъ монастырѣ, раскассировываются (что не трудно) по другимъ монастырямъ; на мѣстѣ мужского образуется женскій монастырь, и скоро, сряду являются и начальницы (это еще легче). Какая связь, какая практическая необходимость монастыря при училищѣ или училища при монастырѣ—трудно понять. А всѣ неудобства такого сожителства монастыря съ училищемъ бросаются въ глаза, и въ послѣднее время зарегистрированы официально. Мы—духовенство—давно объ этомъ знаемъ и давно это видимъ: вѣдь не даромъ при обширности епархіи оба отдѣленія училища такъ малолюдны. Эти неудобства, болѣе того—вредъ сосѣдства монастыря и единовластія надъ монастыремъ и училищемъ ярко иллюстрированы въ журналѣ № 35 послѣдняго епархіальнаго Съѣзда; они же съ другой стороны не менѣе ярко изображены въ отчетѣ г. Бѣлявскаго.

Вопросъ о соединеніи училищъ давно занимаетъ духовенство; начали возбуждать его Съѣзды. Такъ было на съѣздахъ въ 1905 и 1907 г.г. Оба эти Съѣзда хорошо посмотрѣли на дѣло: ихъ заслуга, что они провели идею о раскрѣпощеніи училища, о рѣшительномъ отдѣленіи его отъ монастыря. Имѣя же въ виду, что въ Деревяницахъ приличныя готовыя зданія, эти Съѣзды

пришли къ мысли именно здѣсь въ Деревяницахъ и устроить полное училище съ переводомъ сюда Державинскихъ классовъ и съ непремѣннымъ условіемъ закрытія монастыря и съ обращеніемъ его капиталовъ и угодій въ пользу училища. Это однако оказалось невозможнымъ юридически, но не остановило духовенства въ преслѣдованіи имъ его симпатичной и вѣрной идеи. Послѣдующая за Съѣздомъ 1907 года Коммиссія по вопросамъ объ Епархіальныхъ женскихъ училищахъ большинствомъ своихъ голосовъ, и депутаты послѣдняго Съѣзда большинствомъ 30 противъ 28 голосовъ порѣшили строить Епархіальное училище въ самомъ Новгородѣ (см. журн. Съѣзда № 74). Мнѣніе большинства Коммиссіи и мотивы 30 и основательны, и убѣдительны, и, надо думать, что ближайшій по времени Съѣздъ остановится на нихъ и, такъ сказать, санкціонируетъ рѣшеніе 30-ти если не единогласно, то несравненно значительнымъ большинствомъ. И теперь, если бы Владыкѣ угодно было предоставить этому Съѣзду послѣднее слово, голосъ хотя незначительнаго большинства, по закону имѣлъ бы рѣшающее значеніе. Пока же такой капитальный и важный вопросъ стоитъ на распутіи. А какъ былъ бы онъ скоро рѣшенъ, если бы назадъ тому 24—25 лѣтъ старшіе классы училища были устроены въ Новгородѣ, а не Деревяницахъ; какихъ сравнительно небольшихъ расходовъ стоилъ бы переводъ низшихъ классовъ изъ Званки. Но назадъ тому 25 л. духовенство было въ иномъ положеніи; съ его мнѣніями и желаніями не справлялись: съ его голосомъ не считались: да оно тогда не могло и смѣть свое сужденіе имѣть.— Намъ нужно все силы употребить, нужно, сколько зависитъ отъ насъ, придти на помощь въ дѣлѣ благопріятнаго рѣшенія вопроса; такъ или иначе, но необходимо устроить училище въ Новгородѣ.— Мы не будемъ повторять мотивовъ большинства Коммиссіи и 30: они говорятъ сами за себя и бьютъ въ глаза своею резонностію и искреннимъ желаніемъ добра будущимъ воспитанницамъ училища. Устроимъ разъ, и да погибнетъ зависть къ училищамъ всѣхъ другихъ епархій за ихъ благоустройство и сравнительное съ нашимъ процвѣтаніе! Остановимся немного на нѣкоторыхъ другихъ теченіяхъ и желательныхъ со стороны протестантовъ рѣшеніяхъ вопроса; безпристрастно, съ полною объективностію разберемъ ихъ (со стороны, говорятъ, виднѣе) и тогда увидимъ ихъ несостоятельность, узость, односторонность и, болѣе того, небреженіе объ общемъ благѣ въ заботахъ *pro domo sua*. Такъ въ самой Коммиссіи, которая имѣла достаточно времени зрѣло обсудить вопросъ о соединеніи училищъ

и устройствъ ихъ въ Новгородѣ, нашлись люди, которые, въ виду центрального якобы географически положенія въ епархіи города Тихвина, подняли вопросъ объ устройствѣ епархіального училища въ этомъ городѣ. Имъ бы ужъ договорить и указать и мѣсто—въ Тихвинскомъ Введенскомъ женскомъ монастырѣ, по аналогіи съ благопрощаніемъ нашихъ училищъ въ Званкѣ и Деревяницахъ. Г.г. протестанты — тихвинцы! Географическій центръ сплошь и рядомъ не бываетъ центромъ умственнымъ, административнымъ, промышленнымъ и пр. Нашъ центръ въ указанныхъ отношеніяхъ лежитъ въ Новгородѣ, нашемъ губернскомъ и епархіальномъ городѣ. Допустимъ на минуту: устроили вы училище въ Тихвинѣ: плотниковъ и каменщиковъ за деньги вездѣ найти можно. А гдѣ же вы найдете духовныхъ служителей—преподавателей въ этомъ захолустѣ? Учителя духовнаго училища—, но ихъ немного, и всѣ они заняты прямымъ своимъ дѣломъ и должны знать только это свое дѣло: и то уже поднять вопросъ о малоуспѣшности училищныхъ воспитанниковъ. А тутъ еще 6-классное епархіальное училище. Если вы не найдете средствъ пріобрѣсти собственныхъ преподавателей—академиковъ для женскаго училища, вамъ, не обращая вниманія на печальные опыты Званки и Деревяницъ, придется обратиться къ наличному причту собора и Введенскаго монастыря и ему ввѣрить преподавательское дѣло въ училищѣ, по рангу называющееся вѣдь среднимъ учебнымъ заведеніемъ, не справляясь о цензѣ, педагогическихъ способностяхъ и пр. этихъ лицъ. Это разъ. Второе: если въ Званкѣ и Деревяницахъ, въ глазахъ всѣхъ властей и начальствъ, хозяйственная часть поставлена такъ неудовлетворительно, съ такими злоупотребленіями, о которыхъ повѣствуетъ журналъ № 35 послѣдняго Съѣзда, что будетъ и можетъ быть въ центральномъ Тихвинѣ? Что мотивировка Тихвинцевъ слаба, видно изъ того, что на ихъ предложеніе Коммиссія не обратила и вниманія, пропустивъ его, такъ сказать, мимо ушей. Такой же участи заслужило (и по дѣломъ) и другое предложеніе объ устройствѣ двухъ училищъ—въ Новгородѣ и Бѣлозерскѣ. Дай Господи оборудовать по человѣчески и одно-то училище въ г. Новгородѣ, а тутъ являются фантасты съ своими странными, чтобы не сказать болѣе, фантазіями. Очень жалѣемъ, что насъ не приглашаютъ и не пригласили въ эту Коммиссію: въ видахъ удобства для духовенства, для курьева, мы предложили бы ужъ строить, такъ строить не два училища, а одиннадцать, по числу уѣздовъ Епархіи. Предложеніе о двухъ училищахъ вѣдь не болѣе цѣнно,

чѣмъ и наше объ одиннадцати. По аналогіи заключаая, для удобства причтовъ сѣверныхъ уѣздовъ придется, пожалуй, и Консисторію перевести куда-нибудь поцентральнойѣе—въ Тихвинъ или Сомину, или учредить другую параллельно съ Новгородской и т. д. Фантазіи вѣдь неисчерпаемы.—Протестанты возражать, что въ нѣкоторыхъ епархіяхъ существуютъ же по два епархіальныхъ училища. Сущая правда. Но въ этихъ епархіяхъ женскія училища такъ переполнены (значить, такъ хорошо поставлены), что по причинѣ этого-то многочисленнаго духовенства и открывало вторыя училища. А у насъ съ горемъ по-поламъ во всѣхъ 6-ти классахъ немногимъ болѣе 200 воспитаницъ на 11 уѣздовъ.

Что сказать объ особомъ мнѣніи депутатовъ трехъ сѣверныхъ уѣздовъ, приложенномъ къ журналу Съѣзда за № 74? Что сказать о заявленіи 8 депутатовъ разныхъ уѣздовъ? И тѣмъ и другимъ нужно крѣпче запомнить мудрую резолюцію Владыки, положенную на этомъ особомъ мнѣніи, особенно вторую ея половину. Если гдѣ, то въ этомъ общемъ дѣлѣ ихъ плачь—не плачь Іереміи: ихъ плачь звучитъ фальшиво, неискренно. Многія изъ ихъ сѣверянъ—дочерей получаютъ образованіе въ Леушинѣ; правда. Но рационально поставленное, въ рукахъ преподавателей съ высшимъ образованіемъ, съ соотвѣтствующей свѣтскимъ женскимъ учебнымъ заведеніямъ программой, образованіе въ Епархіальномъ училищѣ не привлечетъ ли общія симпатіи и сѣверянъ, какъ, наоборотъ, не привлекаетъ въ своемъ настоящемъ положеніи симпатій и насъ ближайшихъ. Достоинно вниманія, что о.о. сѣверяне отказываются отъ усиленныхъ взносовъ и съ своей стороны не предлагаютъ ничего оригинальнаго. Выходитъ такъ, что имъ вовсе не нужно никакого училища, или они, помѣшанные на идеѣ просеминаріи, примыкаютъ къ тѣмъ членамъ Комиссіи, которые предлагали устроить второе училище въ Бѣлозерскѣ. Вотъ и видно, что не спѣлись: то нищета и задолженность, то и богаты и тароваты. Замѣчательно еще, что какъ 8 депутатовъ разныхъ уѣздовъ, такъ и депутаты сѣверныхъ уѣздовъ ссылаются на какой-то наказъ. „Духовенство, избравшее насъ, дало намъ наказъ“, пишутъ одни; „мы, нижеподписавшіеся, какъ получившіе отъ духовенства своихъ округовъ наказъ“, заявляютъ другіе. Видно, что живемъ въ конституціонное время; видно, что, „слава Богу, у насъ парламентъ есть“; и мы въ свою епархіальную думу являемся съ наказами, точь въ точь лѣвые въ Государственной Думѣ, но у этихъ послѣднихъ наказы часто бывали дутые и фабриковались тутъ же гдѣ-нибудь въ Петербургѣ.

О.о. протестанты, повторите резолюцію Владыки на вашемъ особомъ мнѣніи. Пишущій эти строки лично рѣшительно не заинтересованъ—какъ и гдѣ устроить училище. Но мы все живемъ жизнью общественною, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ не только можемъ, но прямо обязуемся личные расчеты и интересы подчинять общему благу. Все говоритъ намъ за устройство епархіальнаго училища въ Новгородѣ; и если Съѣздъ утронитъ обложеніе, охотно подчинимся ради высокой цѣли этого обложенія; если бы явилась надобность и еще увеличить временно взносы,---не будемъ сѣтовать: этимъ ускорится желанное дѣло.

Если депутаты сѣверныхъ уѣздовъ въ своемъ особомъ мнѣніи не представили ничего резоннаго и новаго (кромѣ ссылки на „наказъ“), съ мнѣніемъ члена Коммисіи о. Ваучскаго необходимо считаться: 1 и 2 п. этого мнѣнія, повидимому, неотразимы, не только повидимому. И Коммисія и большинство Съѣзда это видѣли и объ этомъ разсуждали. Послѣдній (5-й) пунктъ въ самомъ крайнемъ случаѣ даетъ выходъ. Конечно, если бы въ насъ было больше единодушія и единогласія, если бы въ насъ было поменьше боязливости и нерѣшительности, если бы мы имѣли побольше добрыхъ хотѣній,—съ 1 и 2 п. мнѣнія о. Ваучскаго такъ или иначе порѣшили бы. Третій пунктъ не важенъ, а однако онъ стоитъ 10—12 тысячъ, и на эти тысячи много можно сдѣлать при устройствѣ училища въ Новгородѣ. По пункту же 4 можно не мало поспорить и кое-что возразить. О. Ваучскій оптимистъ и любитель природы; за то онъ и ратуетъ за относительную свободу для воспитанницъ, какую имъ доставляетъ Деревяницкая природа; но г. Бѣлявскій совсѣмъ иного мнѣнія о Деревяницкой свободѣ*). И мы знаемъ и слышали про эту свободу: наша старшая дочь въ 1898 г. вѣдь окончила Деревяницы. И въ гигиеническомъ отношеніи архіерейская земля, какъ находящаяся на самой окраинѣ города, нисколько не уступитъ Деревяницамъ. Что касается интенсивности въ занятіяхъ, то вотъ вамъ, отецъ, отчетъ того же г. ревизора, Бѣлявскаго. Не даромъ же о. Образцовъ, депутатъ минувшаго Съѣзда, замѣтилъ въ одномъ изъ №№ Еп. Вѣдомостей за прошлый годъ, что чтеніе отчета ревизора произвело на Съѣздъ депутатовъ тяжелое впечатлѣніе:

*) А ревизовавшій Семинарію въ прошломъ учебномъ году по математическимъ предметамъ г. Билибинъ въ восторгѣ отъ мѣстоположенія Деревяницкаго училища и взялъ, по его словамъ, на себя смѣлость доложить Владыкѣ, какою ошибкою былъ бы по его мнѣнію переводъ епарх. училища въ Новгородъ.

сильнѣе этого сказать уже нельзя. Не даромъ отчетъ и читали въ закрытомъ засѣданіи.

Если, Богу содѣйствующу, устроится въ городѣ Епархіальное училище, напрасны опасенія о. Ваучскаго за преподавателей. Новгородъ не Тихвинъ или Бѣлозерскъ. И это затрудненіе во всякомъ разѣ будетъ временное. Ужели, сдѣлавши большее, духовенство не сдѣлаетъ меньшаго, не найдетъ средствъ для приличнаго вознагражденія преподавателямъ и непременно съ высшимъ образованіемъ? Ужели не обзаведемся собственными преподавателями? Да не будетъ. — Нѣтъ худа безъ добра, говоритъ пословица. Положеніе нашего училища освѣтилось въ глазахъ всего духовенства предъ всей епархіей. Если уже, при стеченіи какихъ-либо невозможныхъ обстоятельствъ (чего не хотѣлось бы и чего, уповательно, не будетъ), дѣло построенія училища въ Новгородѣ не состоится, вотъ тутъ и можно воспользоваться послѣднею половиною 5 п. мнѣнія о. Ваучскаго (объ этомъ разсуждалось и въ Коммиссіи), и это будетъ лучшимъ исходомъ изъ того тупика, до котораго дошло училище. Училище останется въ Деревяницахъ съ присоединеніемъ къ нему трехъ Державинскихъ классовъ, но съ непремѣннѣйшимъ условіемъ совершенной отъ него изоляціи монастыря. Преподаватели должны быть съ высшимъ образованіемъ; начальница — тоже — особа свѣтская съ высшимъ образованіемъ и педагогическимъ опытомъ.

Свящ. М. Либеровскій.

Г. Новгородъ.

4 и 5 сентября по предполагавшейся программѣ отпраздновано 100-лѣтіе Новгородскаго дух. училища.

5 сентября духовное училище было разубрано флагами. Послѣ литургіи въ Софійскомъ соборѣ и молебствія, отслуженныхъ Преосвященнымъ Андроникомъ, послѣ непродолжительнаго перерыва, ученики училища, начальствующіе и преподаватели училища и гости собрались въ запасныхъ архіерейскихъ комнатахъ. Праздникъ посѣтили Преосвященный Андроникъ, Г. Новгородскій Губернаторъ. Здѣсь прежде всего преподавателемъ дух. училища М. П. Пятницкимъ была прочитана содержательная историческая записка о жизни училища въ теченіе истекшаго столѣтія. Затѣмъ прочитаны были адреса духовному училищу отъ семинаріи о. Ректо-

ромъ Архимандритомъ Сергіемъ, отъ духовенства 3 Новгородскихъ округовъ протоіереемъ тюремной церкви о. Петромъ Рождественскимъ, отъ дирекціи народныхъ училищъ инспекторомъ П. И. Дворянскимъ, отъ Епархіальныхъ женск. училищъ о. протоіереемъ Арсеніемъ В. Вихровымъ, оглашены нѣкоторыя письма и телеграммы, полученныя по случаю юбилея о. Смотрителемъ училища. Отъ Новгородскаго духовенства училищу поднесена, кромѣ адреса, икона.

Содержательную рѣчь сказалъ Г. Новгородскій Губернаторъ П. П. Башиловъ. Указавши на всегдашнюю важность религіознаго элемента въ воспитаніи, Петръ Петровичъ отмѣтилъ, что обстоятельства времени требуютъ, чтобы изъ духовно-учебныхъ заведеній выходили самоотверженные и одухотворенные бойцы за религіозную идею.

Закончилось празднованіе юбилея въ духовномъ училищѣ, гдѣ служащимъ въ училищѣ и гостямъ во главѣ съ Преосвященнымъ Андроникомъ была предложена закуска.

6 сентября освященъ придѣлъ въ Борисоглѣбской церкви г. Новгорода. Прекрасную рѣчь во время торжества освященія придѣла сказалъ священникъ с. Замостья Новгородскаго уѣзда, о. Алексѣй Борисовъ.

Скончался и 8 сентября похороненъ діаконъ Никольскаго собора о. Аѣиногенъ Полетаевъ.

Заболѣванія холерою продолжаются на ст. Волховъ, на ст. Чудово, на ст. Любань, въ дер. Дѣдовой Лукѣ и Куравицы Старорусскаго у., въ дер. Большой Любуни Грузинской волост. Новгородскаго у. Въ гор. Новгородѣ съ 3 по 30 авг. заболѣлъ и умеръ 1; въ Новгородскомъ у. съ 25 по 30 августа заболѣло 24, умерли 3; въ Череповецкомъ у. заболѣлъ 1 и въ Старой Руссѣ заб. 2, умеръ 1. Въ послѣднее время заболѣваніе холерой, по сообщенію Новгородской жизни № 70, усилилось (5 заболѣваній въ день) (Новг. Жизнь №№ 69 — 70).

Содержаніе № 37.

ЧАСТЬ ОФФИЦІАЛЬНАЯ.—Архипастырское благосл.—Благодарность Епарх. Начальства.—Опредѣленія Новгородскаго епарх. начальства: 1) относительно неоплаты гербовымъ сборомъ метрикъ, представляемыхъ въ Военское Присутствіе; 2) о представленіи въ Казенную Палату свѣдѣній „о всѣхъ безъ всякаго исключенія договорахъ о подрядахъ“, заключенныхъ съ частными лицами по церковнымъ постройкамъ или ремонтамъ; 3) объ обязанности священниковъ, избранныхъ депутатами на Епархіальный съѣздъ, явиться на послѣдній, хотя бы церкви ихъ подлежали обзору Преосвященными Викаріями.—Движеніе и перемѣны по службѣ.—Праздныя вакансіи.

ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ.—Вольскій Иванъ Ивановичъ (некрологъ).—Гдѣ быть Епархіальному училищу.—Г. Новгородъ.

Цензоръ Архимандритъ *Серій*.

Редакторъ, преподаватель Семинаріи *Владиміръ Финиковъ*.

НОВГОРОДЪ.

Губернская Типографія.

1909.